

ГЕРОИ ПОБЕДЫ

Рыцарь Москвы и России

Начало на 1-й стр.

В 1824 - 1825 годах его пристанищем был одноэтажный деревянный дом в Трубниковском переулке, 26, переживший московский пожар 1812 года, в 1826-м - дом на углу Арбата и Старокошюшенного переулка, в купленном затем двухэтажном доме в Большом Знаменском переулке, 17, семья Давыдова жила до 1830 года. Потом последовало житье-бытие в Спасовском переулке, 5, и на Смоленском бульваре, 3, до 1835 года, когда Д. В. Давыдов приобрел дом-дворец Бибииковых на Пречистенке, 17. Это единственное уцелевшее до наших дней здание, непосредственно связанное с именем поэта-партизана, о чем свидетельствует мемориальная доска на фасаде.

Встречи с друзьями в Москве были важной частью его жизни. География

этих встреч была обширна. Сколько раз звучали на них комплименты его «неподражаемому слогу» «пылкости стиха», как щедро подчеркивал поэт Н. М. Языков «достопамятно-живого, упоительного, кипучего, воинственно-летучего и разгульно-удалого». Когда в Москву приезжал А. С. Пушкин, он звал Денисова к себе в гостилицу «Англия» в Плинищевском переулке. Вместе доводилось им бывать в Английском клубе, в гостях у Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Пушкин считал стиль Давыдова весьма оригинальным, цитируя его в качестве бессорного образца, не позволявшего ему не впасть в грех подражания В. А. Жуковскому и К. Н. Батюшкову - мэтрам тогдашней поэзии. Примечательно, что в великолепном экспромте-автографе на подаренной «Истории Пугачевского бунта» Александр Сергеевич называет Дениса Давыдова «отцом и командиром». Несомненно, тому особенно были по душе пер-

вые строки авторской надписи: «Тебе певцу, тебе герою!». Да и последние были тоже очень ценны: «Вот мой Пугач, при первом взгляде/ Он виден - плут, казак прямой/ В передовом твоём отряде/ Урядник был бы он такой». Когда Пушкин решил в 1831 году расстаться со своей холостяцкой жизнью, он приглашал на «мальчишник» Дениса Давыдова, который уже точно украсил эту бесшабашную сходку друзей, ведь такой «буйной и умной головы», по признанию А. С. Грибоедова, даже в Петербурге было не сыскать.

В северную столицу Денис Васильевич наезжал нечасто, но и там встреч с писателями круга Пушкина были его прерывистой приятной обязанностью. «...Вечер провел у Жуковского, у которого собираются каждую субботу его приятели и литераторы. Там я нашел Крылова, Плетнева, Пушкина, Вяземского, Телякова...» - пишет он

жене 25 января 1836 года. На следующий день он представлялся царю Николаю I, осматривал Эрмитаж и даже успел послушать Н. В. Гоголя, «читавшего свою бесподобную и чудесную комедию «Ревизор», и попортировать для своего портрета во весь рост художнику Г. Г. Чернецову. Он поощрял оперу, восхищаясь «Жизнью за царя» М. И. Глинки Пораженный смертью А. С. Пушкина от ранения на дуэли, Давыдов писал Вяземскому: «Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобно рода смертям я был бы виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою, подобно смерти Пушкина...»

Денис Васильевич пережил А. С. Пушкина на два года. Он умер в своем имении Верхняя Маза Симбирской губернии. Похоронили его, как он и хотел, в его родной Москве - на кладбище Новодевичьего монастыря.

В столетие Бородинского сражения имя Дениса Давыдова было увековечено в названии 12-го гусарского Ахтырского полка. Хоть и минули более 170 лет со дня кончины этого удивительного человека, память о нем живет. Издаются его сочинения, о чем пишут историки и литературоведы. В знаменитых московских Филых есть с 1961 года улица Дениса Давыдова.

Николай МИТРОФАНОВ, кандидат исторических наук.

Эпопея Василия Верещагина

Продолжаем рассказ о не имеющей в мировом искусстве аналогов по исторической точности, широте обобщения и документальной обоснованности художественной эпопеи Василия Верещагина.

«Поджигатели. Расстрел в Кремле»

Хотя Наполеон, вступив в Москву, назначил генерала Дюпоналя комендантом города с указанием навести порядок, никакого порядка, даже «купальничного», там не было и быть не могло. Вместо обещанных теплых квартир, хорошего довольствия и подобострастия победленных были дымящиеся развалины города, нехватка еды и, наконец, наступающие лютые холода. Как явствует из французских источников, некоторые предприимчивые «вожки», в основном гвардейцы - любимцы императора, обустраивали на улицах лавочки, где продавали своим же коллегам награбленное добро. Остальная же часть армии, голодная, замерзшая и разочарованная, вымещала зло-

бу на населении. По приказу Наполеона были созданы военно-полевые суды для расправы с «поджигателями». По городу началась охота за людьми. Достаточно было какому-нибудь несчастному мужику, лишившемуся жилища и имущества, оказаться вблизи от дымящихся домов, как его хватили, допрашивали на незнакомом ему языке и расстреливали.

Подобный сюжет есть у Гюи, но там много испанской страсти: луж крови, отчаянных жестов. Верещагин под черкнуто документален: два ряда гвардейцев, вскинувших ружья, несчастные русские мужики, поставленные к монастырской стене, трусы расстрелянных, дым от преддверного залпа. Палачи лишены лиц, это бесчеловечные орудия убийства. Единственная деталь, абсолютно реальная и совершенно символическая, говорит об отношении художника к изображаемому: скорбные лица святых, взрывающихся в монастырских стенах на зверскую расправу, - знак того, что небеса переполнены гневом и возмездие грядет.

«Наполеон и маршал Лористон - Мир во что бы то ни стало»

Во время как французская армия маялась в сожженной Москве, русские войска расположились в лагере при Тарутине в Калужской губернии (166 верст от Москвы). Кутузов решил спокойно оставаться и ждать,

что «французская армия развалится сама собой». Так и случилось. Продовольствие в городе закончилось, его везли из Смоленска. Но к этому времени набрала силу партизанская и народная война. Отряды Сеславина, Фигнера, Давыдова нападали на обозы, уничтожали конвои, а продовольствие, естественно, забирали. Где

не поспедали партизаны, действовали вооруженные крестьяне. В Москве начался голод: французы ели лошадей, кошек, ворон...

Наполеон беспрестанно посылал в Париж сообщения о своих «победах», но уже понимал, что крах близится. Расчеты на то, что после захвата Москвы император Александр запросит мира, не оправдались. Наконец гордыня Наполеона была сломлена, он решил первым начать мирные переговоры. Он призвал маршала Лористона, вручил ему письмо с полномочиями вести переговоры и отправил к Кутузову со словами: «Я хочу мира,

слышите, дайте мне его во что бы то ни стало! Только честь как-нибудь спасите!». Кутузов принял Лористона в Тарутине (за что позже получил выговор от Александра), но на все предложения о мире ответил резким отказом.

Это полотно, пожалуй, наиболее драматичное в цикле. Павший духом, стыдящийся сам себя Наполеон, поникший головой маршал, пришедший слышать из уст своего императора только слова победы и знающий заранее о провале своей миссии... Часы истории начали свой роковой отсчет.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Богохульство неприятеля

Проходя однажды мимо церкви, из ее расворенных дверей увидел я выходящий густой дым и стоявшего на паперти неприятеля, курившего табак, одетого по-домашнему: в колпаке, без галстука, с накиннутой небрежно на плечи шинелью. Он, заметив меня, поманил к себе. Я встал в тулук, не зная, на что решиться: дать ли тягу или подойти к зовущему. Если я побегу в палатку, думаю, я, то открою место нашего жительства, если навострю лыжи в противоположную сторону, могу попасть под ношу! Решился я лучше с низким поклоном подойти к неприятелю. И сказал ему:

— Камрад! Добре!
Он ласково потрелял меня по плечу, отвечал также:

— Камрад! Добре!
И после лаконичных объяснений и пантомим камрад взял под руку Русь и повел внутрь церкви.

Войдя в трапезную, наполненную дымом, я, трепеща от страха, везде видел следы грабежа, буйства и богохульства. Посередине храма пылал костер - вместо дров на остоках святых икон. Над огнем лежал на установленном камнях железный лист, на котором лежал картофель. Церковный постолец, дав мне их несколько, сказал:

— Русь! Добре!
Я отблагодарил поклоном.

После сего он, желая, может быть, похвалиться своим домашним хозяйством, указывал на клиросы, на коих были навалены ржаные и овсяные снопы. Тут же находились разные овощи: картофель, капуста и прочее. На вбитых в иконостас гвоздях висели конская сбруя и военная амуниция.

Радушный хозяин отворил Царские врата в правом церковном приделе и ввел меня в алтарь, где увидел я стоящую лошадь, раскрытую вместо попоны священнической рясы. Я окаменел от такого богохульства и не мог сдвинуться с места. Безбожник, сочтя мое изумление за знак удивления к красоте его лошади, начал ее поглаживать, приговаривая:

1 Встретившихся на московских улицах русских французы часто использовали как носителей славы, для переноски награбленного добра.

варивая: «Добре! Добре!» Налюбовавшись конем, повел он меня в левый придел. И там также стояла лошадь в алтаре, евшая овес из купели, в которой крестили новорожденных. Желая поскорее отделаться от изувера, я начал кланяться и пятиться назад к двери. И таким образом выйдя из церкви, не оглядываясь, убежал в палатку.

Зволнованный духом, усевшись в темный угол, я не мог запретить себе рассуждать о богохульстве неприятеля. Неужели западные народы, освещенные учением Евангелия, но так же, как и они, исповедуют христианскую веру и имеют храмы во славу Всемогущего Бога для приношения молений, в которых совершается бескровная жертва в воспоминание страданий и крестной за нас смерти Иисуса Христа?.. Неужели война принуждает отвергать религию и делать христиан богототступниками-изуверами?.. Неужели между враждующими истребляется всякая мысль о благочестии к вере и заменяется богохульством?.. Находясь в сих размышлениях, что бы видимым бесчинством не возмутить души своей, я поклонялся не входяще более при неприятелях ни в одну церковь.

А. РЯЗАНОВ.

МАРОДЕРЫ

С тяжелым ранцем

Тотчас по выходе из Москвы я почувствовал, что мой ранец и сумка чересчур тяжелы. В ранце и сумке было порядочно всяких предметов: несколько фунтов сахара, полбутылки водки, костюм китайки из шелковой материи, затканной золотом и серебром, несколько серебряных и золотых безделушек, обломок креста Ивана Великого, то есть кусок покрывавшей его вышпозочной оболочки (мне дал его солдат из команды, наряженной для снятия креста с колокольни), женская амазонка, побитая зеленым бархатом, две серебряные картины длиною в один фут, несколько медалей, усыпанная бриллиантами звезда, распятие из серебра и золота, китайская ваза...

Сержант наполеоновской гвардии Бургонь.

Грабег

после исхода

Я иногда уходил из дома и бродил по соседним улицам. Раз встретился мне француз: он ехал верхом и каску держал в руке, а на голове у него кокошник. Едет, подбоченясь, во все стороны озирается, а сам смеется. Веселый народ, нечего сказать, да уж под конец-то им не до смеха пришлось.

Удалось мне увидеть, как они от нас уходили. Я стоял на Ильинке и вижу, что они посыпали к Красной площади. Уж тут они не в кокошники нарядились для потехи, а навьючили на себя всякого тряпья. Кто в женском капоте или капоре, кто подвязал уши полотенцем, кто в поповской ризе, а у самого губы посинели от холода: у иного одна нога босая, а другая в сапоге. Если б не мои глупые годы, так сердце бы, кажется, сжалось над ними. Суматоха кипела на площади: тут и фуры, и пушки, и пешие, и конные. Крик, шум, что и не расскажешь. Долго я смотрел на них, а потом побежал домой и рассказал, что видел. Дед перекарестился и говорит: «Это они, должно быть, убираются от нас».

Лышь только они ушли, начали свои грабить - и те, что в городе оставались, да и соседние крестьяне явились на поживу. Целых три дня грабили нещадно. В Казенной палате оставалось множество мешков с медными деньгами, и многие тут поживились. С иных и взъясать нельзя было, ведь с голода умирать приходилось. Ходил и дед в Казенную палату и принес на 25 рублей медных денег. «А то, - говорит, - чем я вас кормить стану?» А другие безо всякой совести на все бросались. Да уж хоть бы брали, что могли, а не истребляли бы даром чуждого добра. Много его погубило без всякой пользы.

А. Сысов.

1 Автору было в 1812 г. 11 лет.

МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА

1812 год: битва врачей

Начало на 1-й стр.

Они способствовали сохранению многих жизней и возвращению в строй тысяч солдат. В частности, развозные госпитали во время Бородинского сражения оказали помощь и эвакуировали огромное количество раненых, «которых ратники московские, утвриваясь от ядер, подбирали и уносили назад».

Не все, конечно, удалось предугадать и просчитать. Так, «Положение для временных госпиталей» исходило из правил, что больные могут составить десятую часть армии. Расчет этот оказался нереальным: больных оказалось примерно вдвое больше. Недостаточно оказалось перевязочных средств и медикаментов. Отчасти, возможно, именно эти просчеты привели к огромным потерям на том же Бородинском поле.

Таким образом, в Отечественную войну в отличие от своеобразной системы лечения на месте, то есть вблизи от места ранения, как было принято в войнах XVIII столетия, была введена новая эвакуационная система, названная впоследствии «дренажной».

На основе разработанного порядка медицинской эвакуации впервые был применен эвакуационный документ с обозначением маршрута следования и конечного пункта. Этот документ выдавался на руки больным раненым при направлении их в определенные госпитали.

В 1812 г. непосредственное руководство работой госпитальной службы осуществлял генерал-интендант Е. Ф. Канкрин (1774 - 1845).

Наполеоновская армия была «ходячей инфекцией»

Осложнялось положение еще и тем, что из-за колоссального количества потерь с обеих сторон и со стороны мирного населения вода почти на всем протяжении была испорчена гниющими в ней трупами, а полностью исключить использование этой воды для питья было совершенно невозможно. Это обстоятельство, несомненно, явилось причиной повышения заболеваемости. Общее количество больных в русской армии было относительно велико. По данным Богдановича, из общего числа потерь около 60% падает на больных. В первый период войны на росте заболеваемости сказались также подавленное настроение солдат в связи с отступлением.

Несмотря на относительное санитарное благополучие в русской армии, вскоре значительно увеличилась инфекционная заболеваемость в связи с чрезвычайно низким санитарным состоянием наполеоновских войск, огромной распространенностью тифов и дизентерии в армии противника. Еще из

Кенигсберга 24 июня 1812 г. Пюисбюкс (oberпровант-мастер французской армии) армии писал: «У нас в армии открылись кровавые поносы... наши солдаты и без сражения наполнили собою городские больницы».

Заболеваемость особенно начала распространяться в октябре 1812 г., когда русская армия с боями преследовала французов. Особенно свирепствовал тиф. А. А. Чуровский по этому поводу сообщил следующее: «Тиф, порожденный в Отечественную нашу войну в 1812 г., по огромности и разнородности армии и по стечению и высокой степени всех бедствий войны, едва ли не превосходил все военные тифы, бывшие до этого времени. Он начался в октябре месяце: от Москвы до самого Парижа по всем дорогам бежавших французов появлялся тиф, особенно убийственный по этапам и госпитали, и отсюда распространялся в сторону от дорог между обывателями».

Почти вся наполеоновская армия превратилась в огромную «ходячую инфекцию», всюду сеющую заразу. Французский врач Роос свидетельствовал, что у французов всюду, во всех частях, свирепствовал «военный тиф» и «военная чума», уносящая массу жертв. Населенные пункты, где скапливались больные военнопленные, нашими войсками обходились, движение через эти пункты запрещалось, но все же контакт с ограниченными группами войск (охраной), конечно, имел место.

Как одну из мер по устранению источников заразы и распространения эпидемии академик В. В. Петров (1798 - 1883) предложил уборку и сожжение трупов людей и животных. В своем письме по этому вопросу он указывал на реальную опасность «от сгниения многих сотен тысяч тел человеческих и лошадиных, остающихся по крайней мере уже 4-й месяц на открытых местах и во многих опустевших помещениях».

Конференция Медико-хирургической академии дважды возбуждала ходатайство о поведении в жизнь этого мероприятия, и 14 ноября 1812 г. такое распоряжение было отдано главнокомандующему в Москве, гражданскому губернаторам - калужскому, смоленскому и тверскому, а 19 ноября - витебскому, моголевскому и минскому. В связи с этим на местах были проведены большие работы по уборке и сожжению трупов.

Так, в одной лишь Москве было сожжено 11958 трупов людей и 12576 павших лошадей. В Можайском уезде убито трупов людей 56811, лошадей - 31664. Полная уборка закончилась лишь к 13 марта 1813 г.

Сергей ИШКОВ.

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

Здесь каждый камень историей дышит...

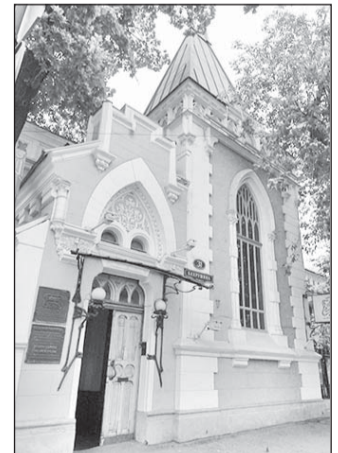
Больница на улице Достоевского.

Начало на 1-й стр.
На Каретный ряд выходит торец главного фасада этого памятника архитектуры.

В Отечественной войне 1812 году устоявал отец писателя Федора Достоевского - Михаил Андреевич, штаб-лекарь Московского военного округа. В 1821 году он поступил лекарем в Московскую больницу для бедных на Новой Божодомке, ныне улица Достоевского. Клиника была под патронатом императрицы Марии Федоровны. Больничный ансамбль был построен Иваном Дементьевичем Жиларди и Андреем Алексеевичем Михайловым по проекту Джакомо Кваренги. Пожар

1812 года пощадил больницу, но, оказавшись, оставил в ее истории неизгладимый след. В сентябре французское командование, найдя больницу в полном порядке, выбросило на улицу оставшихся больных без всякого пропитания и превратило ее в военный госпиталь. В ораде больницы в это время собралось много народа, искавшего спасения от пожара, грабежей и насилия.

Главный лекарь больницы Опель докладывал попечительнице Марии Федоровне, что, согласно Женевской конвенции, врачи вынуждены лечить раненых французских солдат: «Генерал Нарбо осматривал также нашу боль-

Музей Бахрушина.

ницу и, восхваляя нас за труды наши, объявил нам, что он не примет от нас и о нашем о французских больных поплечении донести императору Наполеону и что нам непременно жалованье определено будет». Персонал больницы от французского жалования отказался.

Много памятных мест, связанных с войной 1812 года, на улице Пречистенке. Например, дом 17. Эту усадьбу у генерала Бибиикова купил герой Отечественной войны 1812 года, поэт-партизан, а затем генерал-лейтенант Демис Давыдов. Тогда-то в доме бывали Пушкин, Баратынский, Языков, Дмитриев. Сегодня этот особняк в частном

Пречистенка, 22. Дом Ермолова.

владении, и мемориальная доска с барельефом поэта исчезла с фасада. В доме 20 провел последние годы жизни и умер легендарный полководец 1812 года, генерал от инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса и наместник на Кавказе Алексей Петрович Ермолов. Он дружил с Грибоедовым, Пушкиным, попал из-за этого в опалу и последние годы провел в Орле и Москве, где писал свои «Записки». Семья А. П. Ермолова принадлежала к зданию №22, где размещается Управление пожарной охраны. Пожарные находились в этом доме и раньше. Купив его после пожара у семьи Ермоловых,

власти города разместили в нем пожарное депо.

В конце XVIII века на бывшей Лужнецкой улице была построена городская усадьба, известная сейчас как Театральный музей имени А. А. Бахрушина. Она неоднократно меняла своих владельцев и горела во время пожара 1812 года, но была довольно быстро восстановлена. Интересно, что владелец особняка, основатель первого в мире театрального музея Алексей Александрович Бахрушин, увлекшись коллекционированием, сначала собирал раритеты Древнего Востока, а потом «все о Наполеоне I», и только позже он увлекся театром.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Руководитель проекта - Александр Егорунин	Верстка - Ирина Некрасова
Шеф-редактор - Михаил Воstryшев	Корректра - Ирина Кутина
Выпускающий редактор - Арнольд Сидоров	Иллюстрации - Александр Акульшин
Макет - Оксана Мерзаликина	Телефон для связи - 8(499)259-10-15
	e-mail - egorunin@mospravda.ru

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы. Распространяется бесплатно.